

III

DOI: 10.31912//978-5-88744-104-7/343-350

К предыстории *натяжки*: еще раз о берестяной грамоте № 820

А. А. Гунпиус

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Прогресс в понимании текстов берестяных грамот двояким образом связан с изучением их языка. Уточненные прочтения не раз давали повод для новых лингвистических разысканий, и наоборот, выявление ранее неизвестных фонетических и грамматических фактов позволяло пересмотреть первоначальные чтения, эти факты не учитывавшие. Образец импульса второго рода был дан Анной Абрамовной Пичхадзе в докладе, сделанном осенью 2019 г. на семинаре по истории русского языка и культуры в ИРЯ РАН и впоследствии опубликованном в виде статьи [Пичхадзе 2020]. В докладе было продемонстрировано принципиальное различие между старославянским и древнерусским языками в оформлении негативных конструкций с аналитическими претеритами: в то время как в старославянском отрицательная частица примыкает к вспомогательному глаголу (*нѣсмь ходиль*), в древнерусском она присоединяется к *л*-причастию (*не ходиль есмь*). Этот вывод, сделанный на основе анализа древнерусских летописей и берестяных грамот, со стороны летописей подтверждается тем, что в них редкие случаи постановки отрицания при вспомогательном глаголе приходится на контексты с явным церковнославянским влиянием. На бересте же указанная закономерность нарушалась единственным примером в грамоте № 820 (сер. XII в.), в которой на тот момент выделялась фраза *несми вѣрѣ соулиле* ‘ведь я не давал клятвенного обещания’. Отмеченная А. А. Пичхадзе синтаксическая уникальность этой фразы заставила присмотреться к ней внимательнее. При этом выяс-

нилось, что фраза содержит еще три аномалии: графическую (единственная замена *ѣ* на *е* при этимологически правильном употреблении в грамоте этих графем в остальных позициях), морфологическую (пример окончания *-и* в *несми*, на двести лет опережающий фиксацию его в других текстах) и еще одну синтаксическую (уникальный для древнерусских текстов беспредложный локатив *въѣръ*). Стало ясно, что в чтение вкралась ошибка и оно нуждается в пересмотре. Выход из положения лежал на поверхности: оказалось, что за засечку буквы *с* в *несми* была принята одна из точек над *i*-десятеричным. С этой поправкой проблемное место получило однозначную интерпретацию: *не ѿми въѣръ* ‘не верь’ [Гиппиус, Сичинава 2021: 220].

Но и после сделанной поправки в тексте остались точки лингвистического напряжения. Предлагаемые ниже коррективы к прочтению и интерпретации грамоты отправляются от них.

Прежде чем продолжить разбор, несколько слов об археологическом контексте документа. Грамота была найдена в 1998 г. на Троицком раскопе в напластованиях второй — третьей четверти XII в. Она принадлежит к большому комплексу берестяных документов второй — четвертой четверти XII в., происходящих с территории усадьбы Е, на которой в указанное время располагался административный центр Людина конца. По характеристике В. Л. Янина, этот комплекс «в основном является частью переписки, связанной с судебным разбирательством разного рода конфликтов», а суд, проводивший здесь свои заседания, был «сместный» (совместный) суд князя и посадника. В середине XII в. главными фигурами в этом суде были Петр (Петрок) и Якша, которым (совместно) адресованы четыре грамоты (№ 812, 821, 870, 885). Еще несколько писем адресованы одному Петру, а грамота № 872 — князю и Петру, что свидетельствует о чрезвычайно высоком положении Петра и его связи с княжеской администрацией. В работах [Гиппиус 1999; 2004: 164–174] была обоснована идентификация этих персонажей с историческими лицами: Петра — с боярином Петром Михалковичем, выдавшим в 1155 г. дочь за князя Мстислава Юрьевича, Якши — с посадником Якуном Мирославичем, вторично занявшим этот пост в 1156 г. [НГБ 11: 4, 164–174].

Приведем текст грамоты по актуальной электронной публикации:

(...)
 ...мале ю
 пропередѣ мѣною ачи то ти почыне
 п[ѣ]нати не ѿми въѣръ соу[д]и[лѣ] ---
 годьно (...)

Перевод: ‘... ее передо мною. Если же начнет тянуть [время] (вариант: давить), не верь. Судиле не угодно (?)’.

Первый из моментов напряжения, выявляемых в приведенной записи, — написание *пропередъ*. Согласно А. А. Зализняку [ДНД: 371], оно «может быть простой опiskeй вместо *попередъ* или особым сложным предлогом, лишь сходным с *попередъ*». Однако второе маловероятно, т. к. в русском диалектном материале сложные предлоги на базе *про* не представлены (см. [Луппова 1969; Кузьменко 2007: 151]). Замену же *по-* на *про-*, несмотря на наличие *р* в следующем слоге, невозможно отнести к числу типичных ошибок. Однако без допущения ошибки можно обойтись. Обратившись к оригиналу грамоты, замечаем следующее. Во-первых, третья строка начинается с отступом от левого края (*п* в *пънати* находится почти точно под *р* в *пропередъ*). Во-вторых, уровень букв в строках сильно варьирует, многократно поднимаясь и опускаясь. В-третьих, между *о* и вторым *п* в *пропередъ* виден низ от *з*, расположенный таким образом, что перелом буквы находится на уровне верха *о*. Если бы это была буква из первой строки (что предполагается транскрипцией), она находилась бы слишком низко, не оставляя места для междустрочия. Между тем второе из указанных обстоятельств делает возможным иное распределение букв между строками: фрагмент *проз* принадлежит первой строке, а вторая строка, как и третья, начинается с отступом, со слова *передъ*. Ликвидируя двойной предлог необычного состава, это решение «расщепляет» его на два: *про* в начале первой строки и *передъ* в начале второй. На *з*, очевидно, начиналось существительное в винительном падеже, управляемое предлогом *про*. В нем есть все основания видеть антецедент анафорического местоимения *ю*, управляемого перфектной словоформой, заканчивающейся на *-мале* (остатки букв перед *м* позволяют реконструировать: ... [i]мале *ю* или (от)[ы]мале *ю*). По смыслу же, учитывая сказанное выше об археологическом контексте грамоты, это слово должно обозначать объект судебной тяжбы.

Из существительных женского рода на *з*, встреченных в берестяных грамотах — *задница* ‘наследство’, *земля* (и *землица*), *зима*, *знатьба* и *зобница*, — на эту роль подходят первые два. Земля как предмет судебного разбирательства выступает в принадлежащих тому же комплексу грамотах № 821 и 850. *Задница* же многократно упоминается в этом качестве в Русской Правде. Ср., в частности, контексты, в которых слово стоит в сходном лексическом окружении: *Аже боудуть робыѣ дѣти оу моужа, то задницѣ имѣ не имати* (616); *Аже братья роставжються передъ княземъ w задницу* [НКРЯ (Новгородская Кормчая 1282 г., лл. 616, 622)]. На этом фоне [i]мале или (от)ымале в грамоте можно понимать как ‘получил’ или ‘отобрал’, а *передъ мною* — как ‘в суде под моим председательством’ (ср. *ту са тавжють передъ рижьскимъ судьейо* в смоленской грамоте сер. XIII в. и другие примеры в [СДРЯ, 6: 369]). Фраза характеризует автора как судью,

разбиравшего дело о наследстве или спорном владении. (В дальнейшем условно будем говорить только о первом.)

Особую трудность для интерпретации представляет фрагмент *ачи то ти почъне пьнати*. В этой полностью сохранившейся клаузе лингвистическую проблему составляет не только значение глагола *пьнати* (к чему мы обратимся ниже), но также частеречная принадлежность и акцентный статус слова *то*. В [ДНД: 711] сочетание *ачи то ти* разобрано как сложный союз. В этом случае *то* нужно рассматривать как локальную энклитику, относящуюся к *ачи*, за которой следует ваккернагелевская энклитика *ти* (см. о таком соприкосновении локальных и фразовых энклитик [Зализняк 2008: 83]). Проблема в том, однако, что как локальная энклитика *то* фиксируется в древнерусских текстах исключительно в функции «релятивизатора», в составе относительных слов местоименного происхождения: *оже то*, *иже то*, *коли то*, *яко то* и др. В этот ряд встраивается и *аже то*, которое, скорее всего, происходит из *а оже то*. Между тем *ачи* имеет иное происхождение, являясь сочетанием проклитик *а* и *чи/ци*. Это заставляет видеть в *то* не часть союза, но местоимение, которому предшествуют две проклитики и после которого закономерно располагается фразовая энклитика *ти*. Точный аналог этой последовательности представлен в грамоте № 624: *а ци цето ти товара надобе* ‘а если тебе что-нибудь нужно из товара’ (см. трактовку этого примера [Там же: 92]). Ввиду этой параллели имеет смысл иначе делить на слова и наш фрагмент: *а чи то ти почъне пьнати*.

Что же означает в этом контексте глагол *пьнати* и к чему относится местоимение *то*? Оба варианта перевода — ‘тянуть время’ [ДНД: 371] и ‘давить’ [Гиппиус, Сичинава 2021: 220] — исходят из понимания *то* как части союза и, соответственно, трактуют глагол как непереходный. Между тем исходным для него признается значение ‘натягивать’, предполагающее управление винительным падежом. Суженное до ‘расставлять (о сетях)’, это значение выступает в двух других примерах употребления слова в древнерусских памятниках — из Пролога 1383 г.: *нача юму дѣяволъ сѣти пнати* [СДРЯ, 9: 357] и неидентифицированного Златоструя XVI в.: *а мы отаи сѣти пенемъ дрогъ другоу* [Срезневский, 2: 1795]¹. Теперь мы понимаем, что и в грамоте глагол выступает как переходный, при этом объектом его явно не может быть «время». Приблизиться к ответу позволяет набор значений используемого для толкования *пьнати* глагола *натягивать*, приводимый в словаре В. И. Даля. Помимо основного значения физического

¹ См. подробный разбор обоих контекстов в [Крысько 2013], с обоснованием словоизменения *пьнати*, *пеню*.

действия Даль указывает для этого глагола ряд переносных значений, одно из которых непосредственно связано с судом: «**Натягивать* дело, судить неправо, лицеприимно. | **Натягивать* на чью сторону, норовить кому, оправляя виноватого» [Даль, 2: 487]. Это утраченное в современном языке значение отразилось в производных *натяжка* и *натянутый* (*натянутое объяснение*). Согласно В. В. Виноградову, современные значения этих слов развились не ранее конца XVIII — начала XIX в. «Есть основания думать, что они сложились на почве тех переносных значений и оттенков, которые глагол *натягивать* и слово *натяжка* получили в деловом служилом, чиновничьем диалекте. Так, уже в XVIII в. выражение *натягивать* на чью-либо сторону обозначало ‘наклонять в чью-либо пользу’ (сл. 1867–1868, 2, с. 872). В связи с этим и в слове *натяжка* возникло значение: ‘Неправильное толкование существа дела или применение закона в чью-либо пользу’. В решении этого дела есть *натяжка*» (там же). В «Разных замечаниях по службе армейской...» (1782) генерал-поручика С. М. Ржевского: «наглое похищение полковых денег и *натяжка* незаконная в подделке расходных статей в книгах...» (Русск. архив, 1879, № 3, с. 357)» [Виноградов 1999: 359]. Заметим, что в последнем примере «беззаконную натяжку» допускает не судья, а лицо, обвиняемое в хищении казенных средств и его сокрытии.

Смысловые оттенки, которые глагол *натягивати* (фиксируемый источниками лишь с XVII в.) получил в «служилом диалекте» XVIII в., могли возникнуть у его предшественника *пънати* шестью столетиями раньше, когда русская судебная бюрократия только начинала формироваться. По образцу приведенных дефиниций значение этого слова в грамоте можно было бы определить как ‘искажать существо дела в чью-либо пользу’. Но кто осуществляет это искажение? Едва ли судья — ведь судьей, как мы заключили выше, является автор. Значит, *почъне пьнати* сказано об одном из участников тяжбы. Это возможно, если фраза, заканчивавшаяся на *имале* (или *отымале*) *ю передь мною*, описывала ситуацию не с точки зрения автора, но в изложении этого участника: ‘Х утверждает, что тягался с Y-м из-за наследства и ... отсудил его передо мной’. Эту ложную (с точки зрения автора) версию событий и следует, на наш взгляд, считать референтом указательного *то*. Автор предвидит, что Х может начать «натягивать» эту версию, навязывать ее адресату в качестве истинной, и призывает адресата не верить словам Х-а. В чем заключалась эта версия и в чем, с точки зрения автора, она не соответствовала действительности, восстановить невозможно. Автор мог объявлять ложным утверждение Х-а, что проведенный им суд был несправедлив. Но он мог также отрицать сам факт судебного решения, на который ссылался Х, или свое участие в этом суде.

В зависимости от того, как обстояло дело, по-разному может быть понят и смысл заключительной фразы. Хотя после *годѣно* в последней строке в издании стоит отточие в скобках, что предполагает возможность продолжения текста, этим словом грамота, скорее всего, заканчивалась, и нижняя строка была специально обрезана после него (имеется целый ряд грамот, обрезанных таким образом). В [Гиппиус, Сичинава 2021: 220] рассматривалась реконструкция *Су[д]ил[ѣ]* (*неоу*)*годѣно*. Предлагая ее, мы отметили, что имя *Судила* хорошо вписывается в исторический контекст комплекса: его носил посадник Судила Иванович, главный антагонист Якуна Мирославича (Якши). Однако такая реконструкция имеет ряд недостатков. Во-первых, в конце предпоследней строки после предполагаемого *ѣ* утрачено, по всей вероятности, не более двух букв. Во-вторых, неясно, как слова ‘Судиле неугодно’ связаны с предшествующим ‘не верь’. В-третьих, в письме, посвященном судебным делам, последовательность *соу[д]ил-* естественно трактовать как форму соответствующего глагола, а не как личное имя.

Возможная альтернатива, свободная от названных недостатков, состоит в следующем. *Су[д]ил[ѣ]* мы предлагаем теперь трактовать как форму 3-го лица множественного числа перфекта с диалектным новгородским окончанием *-ѣ*, а следующее слово реконструируем как *(ла)годѣно* — наречие от широко распространенного в славянских языках и диалектах существительного *лагода*. Круг значений этого слова, восстанавливаемого для праславянского в трех вариантах **lagoda*, **lagodъ* и **lagodь*, весьма широк и, согласно [ЭССЯ, 14: 13], имеет своей семантической базой ‘удобство, удовлетворение, угождение’ (в связи с чем предполагается связь с гнездом **goditi*, **godь*). На восточнославянской территории из этого семантического ядра развилось, с одной стороны, значение ‘угождение, потворство’ (откуда соответствующее значение производного глагола у Владимира Мономаха: *ни питью ни ѣдѣню не лагодите, ни спанью*), а с другой — ‘лад; лады, мир; порядок, устройство; кротость, доброта’ в южнорусских и смоленских говорах, ‘кротость, мягкость душевная; согласие, миролюбивые отношения’ в украинском [Там же]. На этом фоне слова *судилѣ лагодѣно* можно понять двояко — в негативном и положительном смысле. Их можно перевести как ‘судили неправо, потворствуя одной стороне’. Такое прочтение означало бы, что автор отмежевывается от решения суда, на которое ссылается Х, отрицая свое участие в нем. Но те же слова могут означать и ‘судили, улаживая дело миром’; ср. одно из значений укр. *лагодити* — ‘улаживать миролюбиво, укрощать, смирять’ [Гринченко, 2: 339]. Тогда смысл концовки оказывается иным: отводя обвинение в несправедливом суде, автор противопоставляет ему собственное свидетельство — дело было улажено к удовлетворению обеих сторон.

Приведем теперь текст грамоты в актуальном прочтении с вариантами перевода:

...
 про з... ...мале ю
 передъ мѣною а чи то ти почѣне
 п[ъ]нати не ѿми вѣрѣ соу[д]и[лѣ] (ла)ѣ
 годѣно

Перевод: ‘... (X утверждает, что имел тяжбу с У-м) из-за наследства [вариант: земли] ... получил его передо мной [= в моем суде]. Если станет тебе это навязывать, не верь — судили пристрастно [вариант: приведя стороны к согласию]’.

Заканчивая разбор, подчеркнем главные моменты, в которых предлагаемая трактовка отличается от первоначальной. Помимо прочитанного благодаря проникательному наблюдению А. А. Пичхадзе *не ѿми вѣрѣ* и связанной с ним замены чтения *соу[л]ил[е]* на *соу[д]ил[ѣ]*, ими являются следующие положения: 1) в грамоте отсутствует сложный предлог *пропередъ*, а имеются два предлога — *про* и *передъ*, принадлежащие разным строкам документа; 2) слово *то* в клаузе *а чи то ти почѣне пнати* является не частицей, а местоимением; 3) глагол *пнати* выступает в грамоте как переходный и имеет значение ‘навязывать точку зрения, искажающую действительное положение дел’.

Адекватность предложенного толкования проверяется возможностью объяснить на его основе значение производного глагола *въспнати* в грамоте № 721/647/683. В этом сильно фрагментированном документе глагол представлен формой 3-го лица единственного числа презенса, которая, судя по контексту (...и *въспенеть*: а ...), заканчивала фразу². Предшествующая фраза сообщала, что мешок с 18-ю сорочками беличьих шкурок, который некто утаил в Онеге, находится у Нежка в указанном месте: *А (мѣхъ) бѣль, 18 сѣр[рѣцѣвъ, ижѣ тѣ ти ѡтаиль въ Оньгоу, ѡ Нѣжѣка ти есте на ...* Как комментарий к этой информации естественно выглядит совет примерно того же содержания, что и в № 820: ‘А что он тебе, в ответ на обвинение в утайке, станет навязывать (*А чѣто ти въспенеть*), — тому не верь’. Как обозначение речевого акта самооправдания, искажающего истинное положение дел, глагол *въспнати* подходит идеально — и по семантике корня, и по приставке, обозначающей встречное действие³.

² Идентификация этой словоформы как принадлежащей глаголу *въспнати* предложена Д. В. Сичиновой [Гиппиус, Сичинава 2021: 216]. Теоретически возможно и отнесение ее к *въспяти* (утверждение, что в грамоте отсутствуют случаи замены *ь* на *е*, неточно: такая замена представлена в форме 3-го л. ед. ч. *есте* <есть>).

³ Как экспрессивный вариант перевода хорошо подходит и *плести* в значении ‘врать’ (‘что он станет тебе плести...’). Переносное значение этого глагола возникает тем же

Источники и литература

- Виноградов 1999 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1999.
- Гиппиус 1999 — А. А. Гиппиус. Петр и Якша. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII // Новгородский исторический сборник. 9 (19). СПб., 2003. С. 18–31.
- Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII в. // НГБ 11. С. 164–182.
- Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Гиппиус, Д. В. Сичинава. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.
- Гомонов 1962 — И. Т. Гомонов. Предлоги в псковских народных говорах // Псковские говоры 1. Псков, 1962.
- ДНД — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Крысько 2013 — В. Б. Крысько. Пънати и тънати // Miklosichiana bicentennalia: Сборник у част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича. Београд, 2013. С. 265–273.
- Кузьменко 2007 — Ю. К. Кузьменко. Сложные предлоги в североскандинавских языках и в русских диалектах (к истории одной параллели) // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 3, № 1. 2007. С. 149–160.
- Луппова 1969 — Е. П. Луппова. Двойные предлоги в русских народных говорах (на материале Кировской области) // Ф. П. Филин, Ф. П. Сорокалетов (ред.). Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 111–125.
- НГБ (с указанием номера тома I–XII) — Новгородские грамоты на бересте (из раскопок... г.). М., 1953–2015.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).
- Пичхадзе 2020 — А. А. Пичхадзе. Перфект и книжный плюсквамперфект в древнерусском: место сентенциального отрицания и вспомогательного глагола // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2 (40). С. 185–205.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М. 1974–.

путем, что и у *пънати* ‘натягивать’; ср. устойчивое сочетание *плести сети* и *сѣти* *пънати* в приведенных выше контекстах.